

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Виктор Астафьев
**КОНЬ
С РОЗОВОЙ
ГРИВОЙ**

Виктор Петрович Астафьев
Конь с розовой гривой (сборник)
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7346535
Конь с розовой гривой [послесп. А. М. Туркова]: Дет. лит.; Москва; 2010
ISBN 978-5-08-004660-5

Аннотация

В книгу входят рассказы о родине писателя – Сибири, о его детстве – этой удивительно светлой и прекрасной поре.

Для среднего школьного возраста.

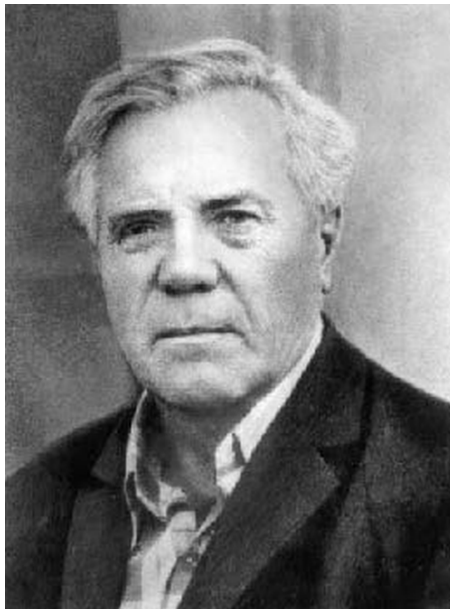
Содержание

Васюткино озеро	5
Гирманча находит друзей	21
Песнопевица	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Петрович Астафьев

Конь с розовой гривой

Рассказы

Виктор Астафьев

1924–2001

В этой книжке есть рассказ «Васюткино озеро». Судьба его любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт. Преподавал он, как я теперь понимаю, свои предметы хорошо, заставлял нас «шевелить мозгами» и не слизывать из учебников изложения, а писать сочинения на вольные темы. Вот так он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провёл один и вот об этом обо всём и написал. Сочинение моё было напечатано в рукописном школьном журнале под названием «Жив». Много лет спустя я вспомнил о нём, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось «Васюткино озеро» – мой первый рассказ для детей.

Рассказы, включённые в эту книжку, написаны в разное время. Почти все они о моей родине – Сибири, о далёком деревенском детстве, которое, несмотря на трудное время и сложности, связанные с ранней гибелью мамы, всё-таки было удивительно светлой и счастливой моей порой.

Автор

Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное Васютке. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки – озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашёл его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек, потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина – Васюткиного отца – совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморозь и тёмные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, расслодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга тёплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

– Нету нам нынче фарту, – ворчал Васюткин дедушка Афанасий. – Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придёт время – ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой – дело бесполезное, потому никто с ним не связывался.

Далеко ушли рыбаки в низовье Енисея и наконец остановились.

Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад учёной экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

– Шабаш, ребята! – сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка закончилась. – Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря идти.

Он обошёл вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подпирал съехавшие в сторону пластушины корья на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел парами и перемётами. Лодки же, невода, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы.

Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили невода, конопатили лодки, изготавливали якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли перемёты и спаренные сети – паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадала ценная: осётр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нём азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвётся наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню вытаскивают рыбы по несколько центнеров.

Совсем скучное житьё началось у Васютки. Поиграть не с кем – нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнётся учебный год и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбосборочного бота, уже учебники новые из города привёз. Днём Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки.

Вечерами в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щёлкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедровые он уже обколотил. С каждым днём приходилось забираться всё дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнёт.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря и с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего десять дней.

Мать недовольно сказала:

– К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

– Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Должен. Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

– «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьём на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

– Ты от затесей далеко не отходи – сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

– Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

– Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес – бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придерётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шёл он по тайге, следил за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таёжная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку

на одном дереве, отойдёт немного, ещё топором тукнет, потом ещё. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи – и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут.

Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таёжника, появилась у Васютки. Он ещё долго думал бы о дороге и о всяких таёжных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!..» – неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук.

Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во всё горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружьё, прицелился и щёлкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

– «Кра-кра!» – передразнил Васютка кедровку и запустил в неё палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружьё в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощищалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её скрипучее «кра!».

– Тьфу, ведьма проклятая! – выругался Васютка и пошёл.

Ноги мягко ступали по мху. На нём там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнёздышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

– Эх и пакость же ты!

Бранился Васютка так, для солидности. Он ведь знал, что кедровка – птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбывал дерево и полез на него. Намётанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок. Потом оглядел окружающий лес и облюбывал ещё один кедр.

– Обобью и этот, – сказал он. – Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую чёрную птицу. «Глухарь!» – догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостойну. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подразнивает её. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собою Дружка. Обругав себя шёпотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затаивался, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

... Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... Тр-рах! – и чёрная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она выпрямилась и полетела в глубь леса.

«Ранил!» – встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарём.

Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя:

– Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чуть не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь слабел. Вот он уже, не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь всё – догоню!» – уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко.

Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

– Стоп, голубчик, стоп! – радостно бормотал Васютка. – Не уйдёшь теперь! Ишь какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю – будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил в руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, – прикинул он и сунул птицу в мешок. – Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывал, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно-тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые берёзки с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И всё же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

– Ффу-ты, чёрт! Где же затеси? – Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. – Всё этот глухарина! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, – заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. – Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сторона у ели – значит, в ту сторону север, а где ветвей больше – юг. Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой – новые. Но этого-то он и не приметил. Затеси и затеси.

– Эх, дубина!

Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

– Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдёшь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! – хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: – Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... – билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание.

Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолёта. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник – паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет – убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушку бросил. Попалась в неё сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями.

Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенёта. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие это было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал.

Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», – отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» – вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников.

Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому. Пригодились спички.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучку и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул – вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налегло несколько комаров – веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка».

Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ошипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгрёб костёр в сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыв её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку – охотничье блюдо! Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал пресное мясо.

– Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! – укорял он себя.

Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся:

– Живём!

Поужинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега.

Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лёг, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверьём. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей – тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли бы позариться на Васюткины запасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвёл курок и положил ружьё рядом. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалёку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится.

Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружьё на это тёмное:

– Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» – мучается он и ещё раз кричит:

– Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

– Ох, окаянный! – облегчённо вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. – Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несёт их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темень начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она ещё совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костёр от сырости зашипел, защёлкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую всё вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук – неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородастых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень.

Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поёжился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки.

Солнце уже было высоко. Туман рососою пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» – изумлённо подумал Васютка и, окончательно проснувшись, услышал оживлённую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговков. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошённо цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, устоялась на Васютку.

– Ну, чего смотришь? Не узнала? – с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

– А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! – Он помолчал и махнул рукой: – Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья.

Проводив её взглядом, Васютка выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась. По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалёку трудился дятел да пощёлкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, сбросил на неё кепку и, поплевав на руки, полез на дерево...

Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным тёмным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дальше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проёмы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую полоску лиственника среди неподвижного зелёного моря (лиственный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

– Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо – кедровой шишкой в мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, задумался да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уж и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос всё ещё не решён. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял с минуту, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру – это ещё не спасение. Поселения там очень редки, и едва ли скоро наткнёшься на людей. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась всё ещё хорошая. Васютка боялся и подумать о том, что с ним будет, если разбухнет осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шаг. Трава стала попадаться чаще и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. «Неужели впереди Енисей?» – с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев берёзки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро

ворвался в густые заросли черёмушника, ползучего тальника, смородинника. Лицо и руки жалила высокая крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озёр. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты – и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подёрнутое у берега ряской.

Васютка лёг на живот, отгреб рукою зелёную кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

... Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве тем более. Обжарив в костре шишки, Васютка одну за другой выкатал их из золы палочкой, как печёную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб, а питаться орехами, мясом, чем придётся.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днём, кое-где с грустью тинькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И всё-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским побрякиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверно?» Он потрогал траву палкой. Косячки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы – шуки там, сороги или окуня, – нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сегов. Это было удивительнее всего. В озере – белая рыба!

Васютка сдвинул густые брови, силясь что-то припомнить. Но в этот момент табун уток-связей отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выделил пару и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Ещё одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны перепуганных птиц.

Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

– Ладно, завтра достану, – махнул рукой Васютка.

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они миготом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на кроваvistое небо и с тревогой проговорил:

– Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождём?

Он ошипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лёг на пихтовые ветки и начал щёлкать орехи.

Заря догорела. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звёзды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило – к холоду!» – и на душе у него сделалось ещё тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея ещё нигде не бывал и видел только один город – Игарку.

А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил... В школу съезжаются ребята со всей округи: тут и эвенки, тут и ненцы, и нганасаны. У них свои привычки. Бывало, достанет кто-нибудь из них на уроке трубку и без лишних рассуждений закуривает.

Особенно грешат этим малыши-первоклассники. Они только что из тайги и никакой дисциплины не понимают. Станет учительница Ольга Фёдоровна толковать такому ученику насчёт вредности курева – он обижается; трубку отберут – ревёт. Сам Васютка покуривал и им табачок давал.

– Эх, сейчас бы Ольгу Фёдоровну увидеть... – думал Васютка вслух. – Весь бы табак вытряхнул.

Устал Васютка за день, но сон не шёл. Он подбросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далёкие и таинственные, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила тёмное небо и тут же растаяла. «Погасла звёздочка – значит, жизнь чья-то оборвалась», – вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели её наши?» – подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба.

Васютка встал, поёжился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он погрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озёрах будто бы водится белая рыба, но озёра эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если? ...»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведёт его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался – Енисей, Енисей, – а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка ещё полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда всё же взялась в озере речная рыба?»

– Тьфу, нечистая сила! – выругался Васютка. – Привязалась как банный лист. «Откуда, откуда? Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лешакам всё! – Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натываясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что её коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом – отголоском озера.

– Вот это да! – ахнул Васютка. – Вот где рыбищи-то, наверно... Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. – И, подбадривая себя, он прибавил: – А что? И выйду! Вот пойду, пойду и...

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошёл ближе и увидел подбитую утку. Он так и обомлел: «Неужели моя? Как же её принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгрёб птицу к себе. Да, это была утка-связь с окрашенной в вишнёвый цвет головкой.

– Моя! Моя! – в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. – Моя уточка! – Его даже лихорадить начало. – Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом, густые ягодники продирался Васютка. В одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалёку. Васютка показал ему кукиш:

– А этого не хочешь? Провалиться мне, если я ещё свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер.

Качнулись, заскрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подёрнулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуро, неудобно.

Далеко впереди Васютка заметил входящую в глубь тайги жёлтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле. «Опять какая-нибудь кишка озёрная. Мерещится, и всё», – засомневался Васютка, однако пошёл быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если наклонится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевёл дух. Заросли сошли на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

– Вот она, речка! Теперь уж без обмана! – обрадовался Васютка.

Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... он обессилеет и пропадёт. Вон, с чего-то уж тошнит...

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздь красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислятины и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошёл дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось... Васютка приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залёг под неё. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжёвывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая за воротник Васютке холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его сами собой начали смыкаться, будто повесили на них тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уж спускалась темнота, смешанная с дождём. Было всё так же тоскливо; сделалось ещё холоднее.

– Ну и зарядил, окаянный! – обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжёлым сном. На рассвете Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластинки свёклы, на земле лежали тёмно-красные листья. Вода в речке заметно прибывала. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и лоскутков берёсты. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднёс к берёсте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик чёрного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесёмки и подвязал ими державшуюся на трёх гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! – догадался Васютка. – Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоёме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на это самый пароход.

В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог бы отойти метров на двести – триста от речки. Там, по редколесью, было куда легче пробираться, но он боялся потерять речку из виду.

Мальчик брёл, почти падая от усталости.

Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило – так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперёд, упал на край берега и жадными глотками стал хватать воду, шлёпать по ней руками, окунать в неё лицо.

– Енисеюшко! Славный, хороший... – шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слёзы по лицу. От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой.

Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, огляделся вокруг. Но никого и нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал. Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нём мать, бабушка, отец, еды сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывёт, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то вверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится всё больше и больше... Вот уж под ним обозначилась тёмная точка. Идёт пароход. Долго ещё ждать его. Чтобы как-нибудь скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали у него ещё темнее, а губы потрескались.

– Ну и дошёл же ты, друг! – покачал голо вой Васютка.

А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход всё приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец это ему удалось, с наслаждением прочитал вслух:

– «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили тёмные фигурки пассажиров. Васютка заметался на берегу.

– Э-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-эй!.. Слушайте!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

– Эх, вы-ы, ещё капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите...

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска «капитаны» видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься, – и всё-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь...

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке всё казалось, что кто-то плывёт по Енисею. То он слышал шлёпанье вёсел, то стук моторки, то пароходные гудки.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

– Неужели дождался? – Васютка вскочил, протёр глаза и закричал: – Стучит! – И опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: – Бот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки и побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костёр все припасённые дрова: догадался, что у костра скорей его заметят. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка отчаянно закричал:

– На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружьё, схватил его и начал палить вверх: бах! Бах! Бах!

– Кто стреляет? – раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

– Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте послышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок, из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

– Дяденька, не уезжайте! – кричал он. – Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка.

Васютка кинулся в воду, побрёл навстречу, глотая слёзы и приговаривая:

– За-зблудился я-а, совсем заблудился-а...

Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

– Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдёт ещё бот-то! Вон вчера пароход только мелькнул...

– Ты, малый, що, сказывся?! – послышался густой бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

– Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! – перестав плакать, заговорил мальчик.

– Який Васька?

– Да шадринский. Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

– Тю-у! А як ты сюды попав?

И когда в тёмном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказывал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

– Ай, скажэнный хлопец! Та на що тоби той глухарь сдався? Во налякав ридну маты и батьку.

– Ещѐ и дедушку...

Коляда затрясся от смеха:

– Ой, шо б тоби! Он и дида вспомнил! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

– Не-е-е.

– Шестьдесят километров ниже вашего стану.

– Ну-у?

– Оце тоби и ну! Лягай давай спать, горе ты мое гиркое...

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

– Во, герой глухариный спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы...

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

– На Песчаному острови и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

– Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку sireны. Над рекой понёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

– Что это вы сегодня один-одинёшенек? – спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

– Не говори, паря, – уныло отозвался дед. – Беда у нас, ой беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пятый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

– Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещѐ с правнуками понянчишься! – И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: – Нашѐлся ваш пацан, в кубрике спит себе и в ус не дует.

– Чего это? – встрепнулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак. – Ты... ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

– Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил – все черти в болото спрятались!

– Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он?

– Це-ел. Старшина пошѐл его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменил наверх, к избушке:

– Анна! Анна! Нашѐлся пескаришка-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги её подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

... И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стѐгаными одеялами, оленьей докой да ещѐ пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопчут около, простуду из него выгоняют. Мать натѐрла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

– Может, ещѐ что-нибудь покушаешь, Васенька? – нежно, как у больного, спрашивала мать.

– Да, мам, некуда уж...

– А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь!

– Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

– Ешь, ешь!

– Эх ты, Васюха, Васюха! – гладил его по голове дедушка. – Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мука – вперёд наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим тебе новое ружьё на будущий год. Ты ещё медведя ухлопаешь. Помяни моё слово!

– Ни Боже мой! – возмутилась мать. – Близко к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, приёмник покупайте, а ружья чтобы и духу не было!

Пошли бабьи разговоры! – махнул рукой дедушка. – Ну, поблукал маленько парень. Так что теперь, по-твоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружьё – и весь сказ!

Мать хотела ещё что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избышки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шёл Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее густой чёрной щетиной, было мрачно.

– Напрасно всё, – отрешённо махнул он рукой. – Нету, пропал парень...

– Нашёлся! Дома он...

Григорий Афанасьевич шагнул к жене, минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

– Ну, а зачем реветь? Нашёлся – и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? – И, не дожидаясь ответа, направился к избе.

Мать остановила его:

– Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже...

– Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашёл в избу, поставил в угол ружьё, снял дождевик.

Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

– Ну, где ты тут, бродяга? – повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

– Вот он я! – привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. – Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не про стыл. Вот пощупай, пап. – Он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

– Затараторил, варнак! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, испортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

– Он всё про озеро какое-то толкует, – заговорил дед Афанасий. – Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

– Рыбных озёр мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадёшь.

– А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

– Речка, говоришь? – оживился Григорий Афанасьевич. – Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал...

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронув-

шихся на юг. Васютке теперь любая непогода была нипочём. В резиновых сапогах и в брезентовой куртке, он держался рядом с отцом, принаравливаясь к его шагу, и наговаривал:

– Они, гуси-то, как взлетя-ят сразу все, я ка-ак дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

– И ведь я их влёт саданул, гусей-то...

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

– А что? Влёт ещё лучше, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

– Не хвались! – заметил отец и покачал головой. – И в кого ты такой хвастун растёшь? Беда!

– Да я и не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, – сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое. – А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

– Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к дедушке в лодку, похвались насчёт гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, дождался лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Васютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

– Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро.

Рыбы в нём оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и ещё одна колхозная бригада переключились на озёрный лов.

Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами: «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих клясочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Гирманча находит друзей

Пароход гудел часто и жалобно. Он звал на помощь. Был он маленький, буксирный; волны накрывали его почти до самой трубы, и казалось, вот-вот он захлебнётся, перестанет кричать. Однако прошёл час, другой, а из трубы парохода всё ещё валил чёрный дым, ветер растеребливал его на клочки.

Но вот на пароходе что-то случилось: гудок оборвался. Огромная волна, словно торжествуя, вздыбилась возле судна, ударила в нос, перекатилась по палубе... Только капитанский мостик, часть трубы да мачта виднелись над водой.

– Ой-ёй! – вскрикнула мать и заметалась по берегу.

– Пропал пароход... – вздохнул отец Гирманчи и поднялся с чурбака, на котором сидел до этого, глядя на разбушевавшуюся реку. – Бери вёсла, Чегрина, поплывём, – сказал он.

– Как поплывём? Большие волны, ветер дурной. Пропадём! – испуганно ответила мать.

– Бери вёсла, Чегрина!

Чегрина сходила к чуму, взяла вёсла и понесла их к лодке, которая предусмотрительно была вытащена на берег, подальше от воды.

Мать прыгнула в лодку, села за вёсла. Отец и Гирманча, уцепившись за корму, ждали большую волну. А она шла неторопливо, вздымаясь, накатываясь на берег. Всё ближе и ближе грозный рокот, ярче и кипучей белый взъерошенный гребень. Летят брызги, пена.

Вот вода хлынула на берег, лизнула нос лодки, легко подняла её, и тогда отец крикнул, заноса ногу за борт:

– Гребите!

Чегрина ударила вёслами. Лодка рванулась вперёд, а Гирманча побрёл следом за ней по воде.

– Куда ты, вернись! – закричала мать.

Но Гирманча не отставал, пытаясь ухватиться за борт и перевалиться в лодку.

– Вернись, Гирманча! – сказал отец и кивнул головой в сторону буксира: – Людей на пароходе много, места в лодке мало. Вернись.

Руки Гирманчи отцепились от борта. Подкатившаяся волна сбила его с ног и поволокла по песку. Когда Гирманча поднялся и посмотрел на реку, лодка была уже далеко от берега, за мутно-желтоватой полоской поднятого со дна песка и ила. Она быстро приближалась к судну.

Оттого, что пароход уже не кричал и не дымил, Гирманче казалось, что там нет никого живого. Вдруг у носа буксира взметнулся сноп воды, и до слуха Гирманчи донёлся рокот: это отдали якоря, чтобы судно не выбросило на берег. Теперь пароход стало болтать ещё сильнее, и волны то и дело накрывали его. А лодка всё вскидывалась и вскидывалась на волнах. Она была уже совсем близко от парохода, как вдруг что-то случилось.

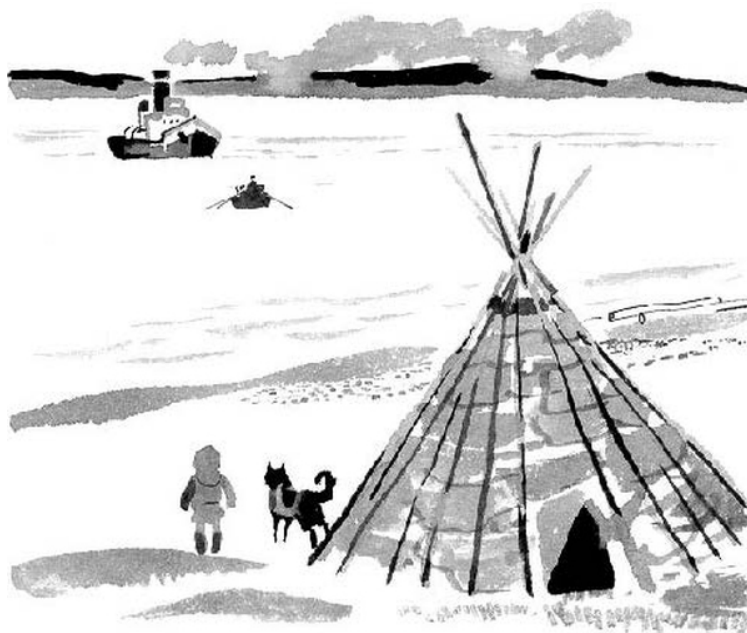
Отец неожиданно встал с места и протянул руку. Мать быстро подала ему весло. Мальчик затаил дыхание: он-то отлично знал, какая грозит беда. Всего несколько секунд потерял отец, чтобы взять весло, и уже не может направить лодку навстречу волнам.

И вдруг всё исчезло, словно провалилось в кипящую воду. Через минуту лодка всплыла на поверхность, но уже кверху килем. На палубе буксира замечались люди. Оттуда полетели в воду спасательные круги, какие-то продолговатые предметы. Но ни отца, ни матери не было видно.

Так осиротел Гирманча.

Пароходик всё-таки продержался. К вечеру с верховьев реки пришёл большой пароход с жёлтой трубой и угрюмым гудком. С силой расталкивая носом волны, он подошёл к маленькому буксиру, коротко пробасил, подцепил полузатопленное судёнышко и потащил его, как утёнка, от волн своим высоким бортом.

Когда оба судна исчезли на горизонте, Гирманче стало совсем тоскливо. Правда, он всё ещё надеялся, что мать и отец вот-вот вынырнут из воды, и тогда он, Гирманча, поплывёт за ними на запасной лодке.

Солнце пришло туда, где было утро, и несколько минут, словно в нерешительности, висело над тёмными зубцами леса. Видимо решив, что здесь, в суровом Заполярье, люди не осудят его излишнее усердие, солнце опять покатилося от одного берега к другому.

Начался новый день. Волнение на реке стихало, птицы плескались в воде, кричали в кустах, кружили в воздухе. Старый пёс Торча раскапывал лапами мышиную нору за чумом. На далёком горизонте показались паруса рыбаков. Люди, переждав бурю, поплыли проверять ловушки.

Всё живое было занято своим делом, и только Гирманча не знал, что ему делать: реветь или варить еду. А может быть, надо идти к чуму рыбака-соседа за тридцать километров и рассказать о случившемся?

Много, очень много передумал Гирманча, но с берега не уходил. Он боялся хоть на минуту отвести взгляд от реки. Вдруг выплывут мать и отец?! Гирманче даже почудилось однажды, что он слышит голос матери.

Очнувшись от дремоты, он увидел на реке тот самый маленький буксир, который вчера так жалобно гудел, вызывая о помощи. Гирманча обрадовался, точно друга увидел.

Поравнявшись с чумом, пароходик громко прокричал, лихо развернулся, так, что поднятая им волна чуть не докатилась до Гирманчи, и отдал якорь. От буксира отошла шлюпка с людьми и поплыла к берегу.

«Рыбу есть хотят», – решил Гирманча. Он помнил, как с проходящих пароходов к их чуму приставали на лодках люди, чтобы купить у отца свежей рыбы.

Гирманча знал мало русских слов, и потому, когда человек с большими усами, цветом похожими на мох-лишайник, и в кителе с блестящими пуговицами вылез из шлюпки, подошёл к нему и сказал: «Несчастье, брат, да... Грех-то какой случился...» – Гирманча, не поняв, ответил по-эвенски, что рыбы нет. Отец не смотрел сети. Ветер был. Если пароход подождёт, Гирманча сам посмотрит сети и даст рыбы пароходным людям.

– Э-э, брат! – удивлённо воскликнул усатый. – Да ты, я гляжу, и по-русски не понимаешь, совсем плохо. Что с тобой, друг, делать?

Гирманча знал слово «друг» и, услышав его, обрадовался.

– Друг! Друг! – радостно забормотал он.

Усатый прижал его к себе и, откашлявшись, заговорил:

– Эх ты, сирота! Я друг, они тоже друзья, – показал он на стоявших рядом матросов. – Ты, друг, не горюй. Что сделаешь – стихия!.. Мы не покинем тебя, так что будь спокоен. Да... Твои тятка с мамкой нас спасать бросились, да сами потопли. Ну ничего, друг. По едешь ты с нами в город, в детдом тебя сдадим. Знаешь, что такое город?

Гирманча города никогда не видел, но был однажды с отцом на пассажирском пароходе и смотрел там кинокартину, в которой показывали большие дома и много людей.

– Корот, кино, друг, – сказал он с удовольствием и повторил: – Корот, кино, друг...

– Во-во, кино! Это, брат, в городе каждый день хоть три сеанса подряд смотри. Ты парень смыслённый, не пропадёшь. Сразу понял, что к чему. Давай, дитёнок, собирай свои пожитки – и ту-ту-у-у-у, поедем!

Ту-ту-у-у-у! – радостно повторил Гирманча и, показав пальцем на кокарду, украшавшую фуражку седоусого добряка, спросил: – Капитан?

– Капитан, капитан, – оживился тот. – Вот ведь глазастый какой, узрел, догадался. Тебя-то как кличут, а? – Капитан постучал пальцем по груди мальчика. – Как зовут?

– Я Гирманча, друг; ты – капитан, друг; парокот – друг, ту-ту-ту. Корот – друг.

– Ах ты, парень, парень! – растроганно заговорил капитан. – Сиротой остался, а горя ещё не знаешь, рад, что в город поедешь. Мал ещё...

... Город ошеломил Гирманчу. На рейде у пристаней гудели, свистели и отпыхивались пароходы и пароходики. Низко, так, что отчётливо видны были на крыльях звёзды, пронеслись с оглушающим рёвом гидросамолёты. По улицам одна за другой гнались автомашины и тоже гудели; мчались долговязые лесовозы, спешили куда-то люди, одетые в разные одежды.

Гирманча крепко держался за руку капитана и всё жался к нему, а тот ободрял мальчика:

– Не робей, Гирманча! Это сначала в диковинку, а потом привыкнешь. К городу легко привыкнуть, вот к чужим людям – это по труднее. Как твои дела по этой части пойдут, не знаю. Да-да... Ребятишки – народ задиристый, могут, конечно, и пообидеть. Главное – не поддаваться и, ежели что, сдачи давать. Это верно. Понял?

Гирманча многое из того, что говорил капитан, не понимал, но кивал головой своему новому другу. Видимо, мальчик думал, что седоусый добряк худого не скажет, и потому во всём соглашался с ним.

Они пришли к большому деревянному дому, возле которого прямыми аллеями тянулись маленькие деревца. В доме слышался визг девчонок. Возле одного окна стоял мальчишка в красной майке и барабанил по стеклу.

Только речник с Гирманчой переступили порог, как навстречу им примчался здоровенный парень на трёхколёсном велосипеде. Он крикнул: «Привет!» – и повернул обратно. Велосипед скрипел и визжал от надсады, а за ним следом гонялся малыш и хныкал. Откуда-то доносился смех, тренькала балалайка, хриловато тараторил продырявленный меткими стрелками репродуктор, что висел на стене возле дверей. Капитан постоял, привыкая к содому, а Гирманча совсем оробел.

Покачал старый речник головой и, сжав покрепче руку Гирманчи, пошёл с ним вперёд. На одной двери была приклеена бумажка с какой-то надписью. Капитан постучал в дверь согнутым пальцем, и они вошли.

За столом сидел пожилой мужчина в очках и торопливо водил ручкой по бумаге. Видимо, потому, что глаза его были прикрыты очками, он показался Гирманче строгим и сердитым. Капитан пожал мужчине руку, что-то сказал. Тот снял очки и, держа их в руке, посмотрел на Гирманчу усталыми глазами.

Потом капитан рассказывал, а человек в очках слушал, время от времени поглядывая на Гирманчу. Наконец капитан поднялся, положил руку на плечо маленького эвенка и сказал:

– Ну вот, Гирманча, здесь будет твой дом. Слушайся, не дерись с ребятами-то. Вот так то, друг. Да... – Капитан, как большому, по жал Гирманче руку, а другой рукой потрепал по щеке. – Ну вот, определил я тебя. Живи, нас не забывай, заходи, когда пароход увидишь. А зимовать будем в затоне, вместе пойдём петли на куропаток ставить.

Гирманча потряхивал головой и улыбался сквозь слёзы. Он понимал, что старый капитан сейчас уйдёт, а Гирманча останется среди ребят, которые с непонятными криками носились по коридору и время от времени заглядывали в приоткрытую дверь кабинета. Ах, если бы ему, Гирманче, снова попасть в свой чум, где остался старый Турча! Сейчас осень, корма для Турчи много. А чем будет питаться пёс зимой? Жалко собаку, пропадёт. Как это слово звучит, которое говорил капитан? «Сирота», – вспомнил Гирманча и потряс седуусого речника за рукав.

– Турча – си-ро-та, сдохнет Турча...

Капитан успокоил его, сказал, что завтра он зайдёт провести Гирманчу, а потом поплывёт в низовья реки и обязательно возьмёт к себе Турчу, кормить его станет. Гирманча может прибежать на пароход и повидаться с Турчой.

Мальчик обрадовался тому, что капитан придёт завтра и что Турча не будет сиротой. Он уже без слёз проводил капитана и спокойно остался вдвоём с заведующим детдомом.

– Ну, давай знакомиться, – обратился тот к Гирманче. – Меня зовут Ефим Иванович.

– Фим Ваныч, – повторил Гирманча, и заведующий с улыбкой подтвердил:

– Приблизительно так. Для начала ладно. А сейчас, Гирманча, пойдём со мной. Будем тебя мыть, кормить, переобмундировывать, знакомить с ребятами.

В коридоре Ефим Иванович велел Гирманче подождать, а сам пошёл в одну из комнат.

К Гирманче стали подходить ребята. Они с любопытством рассматривали его парку, расшитую бисером. Некоторые заговаривали с ним, но Гирманча мало что понимал и насто-роженно следил за окружающими его детьми, готовый, если потребуется, постоять за себя.

– Ребята, глянь! – заговорил один из мальчишек, у которого волосы были почти как у пса, белые. – Новенький какой черномазый, будто его в трубу протащили! И не говорит ничего: немой, поди. Эй, ты, кала-бала! – подразнил белобрысый.

Ребята захохотали. Гирманче это показалось обидным. Он сжал кулаки и посмотрел исподлобья на белобрысого.

– Ох ты, кляча, ещё и с кулаками! – уди вился мальчишка и взял Гирманчу за грудь так, что от его одежды крупной посыпался бисер. – Может, подраться хочешь?

Глаза у белобрысого были прищурены, губы вызывающе сжаты. Гирманча сердито отшиб его руку от своей груди и обиженно заговорил на родном языке:

– Зачем трогаешь? Я – гость! Гостя надо чаем поить, рыбой кормить! Почему не уважаешь обычай?

Гирманча говорил быстро, размахивал руками, и ребятам показалось, что он ругается. Они прижали его к стене, и белобрысый снова – правда, уже осторожно – начал наседать на него.

Лицо задиры не предвещало ничего доброго. Гирманча втянул голову в плечи. Когда белобрысый снова взял его за грудь, он тоже схватился за мальчишкину куртку.

– Дай ему, Кочан, дай! – поддразнивали своего дружка детдомовцы. Кочаном они, видимо, его прозвали за белую вихрастую голову.

– Через себя фугани, чтобы он ногами сбрыкал! – посоветовал кто-то из мальчишек.

Кочан попятился, сделал вид, будто падает, и, когда Гирманча навалился на него, быстро и ловко упал на спину. В воздухе мелькнули расшитые бисером бакари¹, и Гирманча, перелетев через Кочана, плюхнулся на пол. Белобрысый навалился на него, не давая пошевелиться.

Если бы Гирманча понимал, что кричали перед этим ребята, он бы поостерёгся и не дал так ловко себя обмануть.

Лицо его побледнело от обиды и ярости. Он неожиданно издал гортанный крик, рванулся и через секунду был на ногах. Прямо перед собой он увидел растерянное лицо Кочана и, уже ничего не соображая, вцепился в это лицо, как когтистый зверёк, повалил противника на пол...

Эвенки – народ смирный, гостеприимный, вывести из себя их трудно. Ловкие в охоте, драться с людьми они не умеют. Но страшны они в своём редком гневе. Кочан не сразу, но понял это, а поняв, испуганно забормотал:

– Ну, в расчёте, в расчёте! – И вдруг завопил: – Лежачего не бьют!..

– Что здесь происходит? – послышался голос Ефима Ивановича. Он растащил дерущихся и гневно обернулся к «зрителям»: – Похохатываете? Весело вам?...

Ребята сконфуженно опустили глаза, замялись.

Оглядев с ног до головы поцарапанного, перетрусившего Кочана, Ефим Иванович с укоризной и досадой сказал:

– Всегда с новенькими в драку лезешь, да ещё с теми, кто слабее тебя. Это ведь подло!

– Он сам полез, – пробубнил Кочан, глядя исподлобья.

– Врёшь! Ты первый задира, – послышалось отовсюду.

– Помолчите! – прикрикнул на ребят Ефим Иванович. – Глазели, науськивали, а теперь виноватого ищите? Все виноваты, все безобразники! Умойся и отправляйся в классную комнату, под замок! – приказал Кочану заведующий. – А вы тоже шагом марш по своим мес там! Собирались сегодня на экскурсию к при чалам – теперь будете сидеть дома.

Ребята с унылыми лицами разошлись по комнатам.

– Ну, а ты, Аника-воин, тоже хорош! – заговорил Ефим Иванович, глядя на Гирманчу, взъерошенного, растрёпанного, но всё ещё трясущегося от злости. – Только что появился в детдоме – и сразу в драку! Кто бы мог подумать... Сын мирного рыбака, малый щуплый...

Заведующий, не переставая ворчать, отвёл Гирманчу в комнату, где женщина в белом халате принялась стричь его, пощёлкивая блестящей машинкой. Чёрные жёсткие волосы Гирманчи клочьями повалились на пол. После стрижки велели снять одежду. Он заупря-

¹ Бакари – обувь из оленьей шкуры.

мился и, когда женщина попыталась сделать это сама, заревел. Но его всё-таки раздели, посадили в посудину с водой. Название посуды очень походило на отчество заведующего детдомом: ванна.

Был уже вечер, когда Гирманча пришёл в ту комнату, где недавно их вместе с капитаном принимал Ефим Иванович. Стриженная голова Гирманчи казалась синеватой, а на непривычно чистом лице стали особенно заметны яркие чёрные глаза, немного осовевшие от еды и тепла. В кабинете директора на диване было раскинуто одеяло, из-под которого белели края простыни.

Ефим Иванович поднял на лоб очки, посмотрел на Гирманчу и мягко улыбнулся:

– Как новый гривенник ты сейчас, Аника-воин.

Гирманча уставился глазами в рот Ефима Ивановича, стараясь вникнуть в смысл его слов. Понял он лишь одно, что тот уже не сердится на него. Гирманча тоже улыбнулся благодарно, застенчиво. Заведующий, пользуясь больше знаками, чем словами, велел Гирманче раздеваться и ложиться спать.

Гирманча с сожалением снял новую одежду, лёг на диван и тут же отпрянул в испуге: под ним что-то зазвенело, заскрипело, задзинькало. Пришлось Ефиму Ивановичу поднять диванную подушку и показать маленькому эвенку пружины, перепутанные верёвками. Гирманча рассмеялся, покачал головой: «Чудные люди. Нет чтобы сесть прямо на землю или на чурбак – тратят верёвки и проволоочки, из которых можно сделать много хороших поводков и крючков к перемётам».

На следующий день в детдом ненадолго заглянул старый речник. Судёнышко, которым он командовал, уже было назначено в рейс – вести баржу с продуктами в один из северных станов. Капитан торопился. Он, как мог, объяснил это Гирманче и обещал скоро вернуться. Но Гирманча уцепился за рукав своего доброго друга и не отпускал его. В глазах маленького эвенка стояли слёзы.

– Обидели тебя сорванцы-то? – спросил капитан у Гирманчи.

Поняв по лицу речника, что тот ему сочувствует, мальчик жалостно затряс головой.

– Его не вдруг обидишь! – послышался от дверей кабинета голос Ефима Ивановича.

Он крепко пожал руку капитану и рассказал о вчерашнем сражении новичка с Кочаном. Старый речник пришёл в неистовый восторг. Он хохотал от души, хлопал Гирманчу по спине и громко одобрял его действия:

– Молодец, Гирманча! Так и дальше держи!

Гирманча сначала с недоумением поглядывал на капитана и на заведующего детдомом, а потом тоже развеселился и, стукая своего друга по колену, стал выкрикивать что-то.

Нахохотавшись, старый речник вдруг задумался, потом поднялся и обратился к заведующему:

– Разреши, Ефим Иванович, поговорить с твоей салажнёй.

Получив одобрительный ответ, он взял Гирманчу за руку и повёл в комнату, где предстояло жить маленькому эвенку.

Их встретили с нескрываемым любопытством. Многие ребята с заворожёнными глазами глядели на форменную фуражку капитана с золотой «капустой» и якорем в середине.

– Вот что, орлы: обновили Гирманчу – и довольно. Он тоже доказал, что сумеет жить в коллективе, и потому должен спать здесь, а не в кабинете. Пока кровати ему не поста вили, поспит с кем-нибудь. – Капитан по молчал и с чувством добавил: – Должны, я думаю, понимать: ему труднее обживаться, чем вам.

Ребята молча переглянулись, и один из них спросил:

– А как новенького зовут?

– Ну и комики! – удивился капитан. – Подраться успели, а вот имя у человека спросить не догадались. Зовут его Гирманча.

– А если мы его Геркой звать будем, можно?

– Это уж вы у него спрашивайте, – заявил капитан и, надев фуражку, стал прощаться со всеми за руку, как с настоящими мужчинами. Последнему он пожал руку Гирманче и, подмигнув ему, сказал так, чтобы все слышали: – Будь здоров, парень, не обижай здешний народ!

Проводив капитана, ребяташки некоторое время молчали, внимательно разглядывали эвенка. Может быть, им вспомнилось, как они сами пришли сюда, тоже грязные, голодные, и ужасно боялись детдомовских корешков, а может, дружба настоящего капитана с Гирманчой или то, что Гирманча не струсил перед задирой Кочаном, вызывали в них чувство уважения к нему. Наконец один из детдомовцев, высокий голубоглазый пареньёк со значком на куртке, протолкался вперёд и с видом знатока всевозможных языков сказал единственное эвенкское слово, которое ему было известно.

– Бойе, не бойся. Мы тоже – бойе, – сказал он и с улыбкой протянул руку.

Гирманча обрадовался, услышав родное слово, означавшее по-русски «друг», но руку из предосторожности всё же не подал.

Тогда пареньёк схватил его за руку, подтащил к своей кровати и сказал, приложив ладонь к щеке:

– Ты – бойе, я – бойе, хр-р-р... Спать. Вместе спать будем. Рядом. Вот на этой кровати. Понятно?

– Хр-р-р, понятно, – робко повторил Гирманча.

Все ребята заулыбались.

– Ишь какой! Сразу понял, о чём разговор, – примирительно вернул слово Кочан.

– Если к человеку по-доброму, так он хоть что поймёт, – слышались голоса. – Это ты все с наскоку делаешь.

А пареньёк, предложивший Гирманче вместе спать, всё больше и больше нравился маленькому эвенку.

– Гера, это всё наши ребята, школьники, – стал показывать он. – Ты тоже будешь ходить в школу. Школа, понимаешь?

В кармане у Гирманчи лежали искусно вырезанные из дерева собака и трубка. Их вырезал отец в длинные зимние ночи под завывание северной пурги и под собственную песню, длинную, как зима. Гирманче очень хотелось отдать эти самые дорогие для него вещи голубоглазому пареньку. Он вдруг решительно выхватил из кармана трубку и собаку.

– Тебе это, – пробормотал он, сунув подарки новому знакомому. – Турча и трубка, отец делал, долго делал!

Ребята загалдели, окружили паренька с подарками.

– Здорово! – сказал один из мальчишек. – Хвост у собаки, как у заправдашней, кренделем!

Детдомовцы начали расспрашивать у Гирманчи, кто и чем вырезал эти штуковины. И маленький эвенк, пользуясь звуками, жестами, известными ему немногими русскими словами, начал трудный рассказ о своей небольшой жизни. Из этого рассказа детдомовцы узнали, что у Гирманчи были родители-рыбаки, хорошие рыбаки, что жил с ними Гирманча долго-долго. Отец научил Гирманчу вырезать из дерева рыбку и плавать в лодке-веточке, а мать сшила ему бакари, которые Фим Ваныч убрал в кладовку...

Не так уж много узнали ребята из рассказа Гирманчи, но всё-таки поняли, что пареньёк ничего – в друзья годится.

Песнопевица

В ту пору бакены были ещё деревянные, и держались они на деревянном угольнике. Вершины пирамидок белыми и красными маковками фонарей светились, а в фонари эти вставлялись керосиновые лампы.

Днём отец наливал в лампы керосин из большого ржавого бидона, а Галка держала воронку и вкручивала горелки с фитилями в горла ламп. Потом она спускалась на берег и вместе с отцом мыла руки, шоркая их с песком, смешанным с галечником. И в маленьких ладошках хрустело, и руки делались белыми, но всё равно от них пахло керосином, и платьишко её постоянно пахло керосином, и в избушке пахло керосином, и в лодке пахло керосином. С этим запахом Галка свыклась и не замечала его. Она свыклась и с жизнью в отдалённой избушке – без подружек, без детских игр. У неё была одна игра – в бакенщика. Но она не считала это игрой, она не играла – она работала бакенщиком.

Ещё солнце только-только упирало в горы и нижнюю часть его подравнивало дальней седловиной, а Галка уже начинала хлопотать. Она по деревянным ступенькам бегала вверх-вниз по крутому яру и носила в лодку лампы, вёсла, ведёрко – выплёскивать воду, две старые телогрейки – отцу и себе. Строго насупив белёсые бровки, стояла она у лодки и, тыкая пальцем, пересчитывала лампы, соображала, не забыли ли чего, и, подражая видом и голосом покойной матери, поворачивалась к избушке, кричала от реки:

– Ты долго ещё будешь там копаться?

Отец громко кашлял в ответ и, хлопая широкими голенищами бродней, как крыльями, неторопливо спускался к лодке. Здесь он крутил сигарку и начинал пугливо хлопать себя по карманам.

– Опять спички забыл?! – суровела Галка и доставала из кармана старой телогрейки коробок серников. – На! Совсем у тебя памяти не стало!

Отец прикуривал из лодочкой сложенных ладоней и, незаметно улыбаясь, косил глазами на озабоченную, хмуро насупленную дочку с неумело заплетённой косой, мокреньким носом, в стоптанных сандалиях с белёсыми от воды носками. Он брал её на руки, усаживал на беседку и мимоходом, незаметно выдавив ей нос, набрасывал телогрейку на её спину с остренько выступавшими лопатками.

– Поплыли благословясь, – роняла по-старушечьи Галка.

Отец наваливался на лодку, сильно гнал её по камешнику, Галку часто откидывало назад и роняло с беседки.

– Эко! Эко! – барахталась она на дне лодки, выпрастывалась из телогрейки и ворчала: – Сила есть – ума не надо!

Отец в мокрых броднях ступал в лодку, поднимал Галку на беседку и, шатая лодку, шёл к корме, брал сначала кормовое весло, а затем шест и начинал поднимать лодку вверх по реке, до острова Заячьего, от ухвостья которого шла накоса в реку песчаная ягра – отмель, и отмель эту отмечал красный бакен.

И пока они хлопотали, собирались, поднимали лодку вверх по реке, вечер уж тихо опускался с гор. Он бесшумно выползал из глубоких распадков и перекрашивал весь мир – и речку, и лес, и горы – в свой вечерний свет.

Вечер казался Галке дедом, тихим, бородатым и молчаливым. Он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почёсывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам. Деду было холодно в горах, и он с вершины сухой лиственницы глухо просил голосом филина шубу. Дед кряхтел и ворочался в лесу, укладываясь спать, и выколачивал трубку о старый сухой пень так, будто большой дятел стучал по нему.

Дед долго засыпал и успокаивался. Гасла его трубка – и остывало небо за горой. Дед дышал ноздрями распадков – и на реку оттуда выползали лёгкие полосы тумана. Они качались над водой и оседали в тальниках Заячьего острова.

Дед закрывал наконец-то глаза, не ворочался больше, не кряхтел – и всё кругом переставало шевелиться, стучать, и даже листья не хлопали ладошками, чтобы не беспокоить деда, потому что он хотя и тихий дед, а всё же сумрачный, угрюмо-молчаливый, и что у него на уме, никто не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.